

ка, достигшего возраста четырнадцати лет, пользоваться помощью квалифицированного специалиста в области права для отстаивания своих прав и законных интересов в суде в том случае, если ребенок полагает, что его права и законные интересы нарушаются родителями (либо лицами, их заменяющими), в том числе, если перечисленные лица не выполняют или ненадлежащим образом выполняют обязанности по воспитанию, образованию ребенка либо злоупотребляют родительскими правами, в гражданском процессуальном законодательстве не закреплено.

Таким образом, в целях повышения эффективности механизма реализации прав ребенка на защиту своих прав и законных интересов и получение квалифицированной юридической помощи в российское законодательство следует внести ряд поправок, призванных восполнить пробелы правового регулирования, а именно:

- Ч. 2 ст. 56 Семейного кодекса РФ и ст. 37 Гражданского процессуального кодекса РФ дополнить легально конкретизированной возможностью ребенка обратиться за защитой своих прав в суд с помощью представителя – квалифицированного специалиста в области права.

- Закрепить в Семейном кодексе РФ минимальный возраст ребенка для получения юридических услуг без согласия родителей (по мнению авторов наиболее оптимальным в данном случае может быть признан возраст 14 лет)

- Расширить установленный Семейным кодексом РФ круг субъектов, от которых ребенок может получить правовую помощь и поддержку, следующим образом: «При нарушении прав и законных интересов ребенка родителями либо при злоупотреблении родительскими правами, ребенок вправе самостоятельно обратиться за квалифицированной юридической помощью к лицам, имеющим право оказывать подобную помощь, и за защитой нарушенных прав в органы опеки и попечительства, а по достижении возраста четырнадцати лет в суд».

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Соколов А.Н.

Шуйский государственный педагогический университет, Шuya, e-mail: s_aleksandr37@mail.ru

«Может быть, это выглядит... несколько парадоксальным, но один из главных барьеров в борьбе с коррупцией – это технологическая отсталость. Изменить положение дел не в последнюю очередь может развитие информационного общества, повышение качества и «прозрачности» оказываемых публичных услуг, многие из которых должны оказываться в электронном виде» [1]. Реформирование государственного управления, посредством внедрения системы электронного правительства, как части государственного управления – это один из составляющих элементов неизбежного формирования современного информационного общества и неперемное условие вхождения в него.

Среди целей административной реформы в России указывается «разработка механизмов противодействия коррупции». Одним из таких механизмов является программа «Электронное правительство». Программа нацелена на создание унифицированного источника для получения информации о структуре и функциях органов власти и государственных учреждений, обеспечение информационной открытости органов государственной власти и местного самоуправления для общества, повышение эффективности их взаимодействия с гражданами, активизацию участия граждан в принятии решений.

Тем не менее, несмотря на тщательно проработанную программу правительства, казалось бы охва-

тывающую все аспекты внедрения идеи электронного правительства в жизнь, на практике выявляются многочисленные проблемы ее реализации, как в организационном, так и в законодательном плане. В связи с чем, возникает необходимость изучения и правового урегулирования развивающихся административно-управленческих отношений в системе Интернет, в целях ее успешной реализации, так как это имеет особую актуальность как для оптимизации деятельности государственных и муниципальных органов, так и для граждан, реализующих свои конституционные права и обязанности.

Список литературы

1. Медведев призвал «электронное правительство» на борьбу с коррупцией. Электронный ресурс. – URL: <http://evrazia.org/n.php?id=10131>. Дата обращения: 12.01.2011.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА, КАК ОСНОВАНИЕ ПРАВომЕРНОСТИ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

Степанюк О.С., Лукьянченко А.Н.

Белгородский государственный университет, Белгород, e-mail: stepanyuk@bsu.edu.ru, aleksandr_lukyanchenko@mail.ru

Как известно, статья 45 Конституции Российской Федерации провозглашает право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом¹. Данное положение конкретизировано и в уголовном законодательстве России, в частности в ст. 37 Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)², которая регламентирует институт необходимой обороны.

Несмотря на большое количество исследований, посвященных данному обстоятельству, исключающему преступность деяний, применение данного института и сегодня вызывает многочисленные споры, как в практической плоскости, так и в теоретическом плане. По нашему мнению, данное положение отчасти можно объяснить тем, что редакция ст. 37 УК РФ и в настоящее время является не самой удачной и требует дальнейшей законодательной корректировки. Полагаем, современной нормативной трактовке необходимой обороны свойственно достаточно большое число оценочных понятий, под которыми в теории уголовного права понимаются «понятия, содержащиеся в уголовно-правовой норме и конкретизируемые правоприменителем при уголовно-правовой оценке фактов, детерминирующих применение нормы уголовного закона»³. Юридическое значение оценочных понятий в большей степени зависит от усмотрения правоприменителя, в следствие этого и многие из них трактуются судебной-следственной практикой неоднозначно. Так, на сегодняшний день действует постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 августа 1984 г. №14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств»⁴, хотя, с момента его принятия прошло уже свыше 26 лет. Как показывает анализ содержания данного постановления, отдельными его положениями не всегда можно руководствоваться на практике.

Как свидетельствуют статистические данные, в январе – ноябре 2010 года органами внутренних дел рассмотрено 21,84 млн заявлений, сообщений и иной

¹ Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации от 30.12.2008 №6-ФКЗ и от 30.12.2008 №7-ФКЗ) // СЗ РФ. – 2009. – № 4 – Ст. 445.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (с изм. от 29.12.2010 № 442-ФЗ) // Российская газета. – 2010 г. 31 декабря – № 297.

³ См.: Шумилина О.С. Оценочные понятия в Уголовном кодексе Российской Федерации и их использование в правоприменительной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М.: Академия управления МВД России. 2002. – С. 7.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 августа 1984 года №14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств» // Бюллетень Верховного суда СССР. – 1984. – №5. – С. 10.

информации о происшествиях, что на 5,0% больше, чем за одиннадцать месяцев 2009 года. Почти по каждому одиннадцатому сообщению (9,2%) принято решение о возбуждении уголовного дела. В результате преступных посягательств погибло 38,3 тыс. человек, здоровью 46,1 тыс. человек причинен тяжкий вред¹. Финансово-экономический кризис оказал отрицательное воздействие на криминогенную обстановку в стране. Наиболее остро негативные тенденции проявились в структуре насильственных преступлений, часто совершаемых из корыстных побуждений. В большинстве случаев человек остается на один с преступниками, противостоит им и своими силами защищает жизнь, здоровье, собственность². В условиях усложняющейся криминогенной обстановки, на наш взгляд, необходимость научного исследования данного института не теряет своей актуальности.

Одним из оценочных понятий ст. 37 УК РФ является общественная опасность посягательства, которая определяется, как одно из условий правомерности необходимой обороны. Следует отметить, что уголовный закон не дает понятия общественно опасного посягательства. По смыслу статьи 37 УК РФ понятно лишь то, что по своему характеру посягательство может быть сопряжено с насилием опасным или не опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия. Более конкретное определение выработалось судебной практикой. Так, Пленум Верховного Суда СССР разъяснил, что под общественно опасным посягательством следует понимать деяние, предусмотренное Особенной частью уголовного закона, независимо от того, привлечено ли лицо, его совершившее, к уголовной ответственности или освобождено от нее в связи с невменяемостью, недостижением возраста привлечения к уголовной ответственности или по другим основаниям³. В этом же постановлении Пленум Верховного Суда СССР указал, что не может признаваться находившимся в состоянии необходимой обороны лицо, причинившее вред другому лицу в связи с совершением последним действий, хотя формально и содержащих признаки какого-либо деяния, предусмотренного уголовным законодательством, но заведомо для причинившего вред не представлявших в силу малозначительности общественной опасности⁴.

На наш взгляд, приведенное разъяснение не дает правоприменителю полной ясности в понимании того, что следует понимать под общественно опасным деянием как основанием для возникновения права на необходимую оборону. Прежде всего, заметим, что некоторые ученые не признают понятия посягательства, а по сути, заменяют его термином нападение. Так, С.В. Пархоменко считает, что хотя этимологически слово «посягательство» более точно отражает то явление, против которого допустима оборона, нельзя не считаться с его восприятием в общественном сознании адресатов уголовного закона об обороне. В связи с этим представляется целесообразным при описании основания обороны в тексте уголовного закона использовать слово, противоположное по значению слову «оборона» – «нападение»⁵. На наш взгляд, это не совсем верно, так как в общественном сознании может сложиться мнение, что необходимая оборона возможна только от преступных деяний, совершаемых путем нападения, например,

разбой ст. 162 УК РФ, бандитизм ст. 209 УК РФ. Что, по сути, противоречит духу и букве закона. Как мы полагаем, следует согласиться с теми авторами, которые полагают, что необходимая оборона возможна, например, и при защите от нарушения неприкосновенности жилища. Незаконное проникновение в жилище полностью подпадает под понятие посягательства, так как, во-первых, это предусмотрено в статье Особенной части УК РФ, а во-вторых, приводит к наступлению вредных последствий – нарушению права на неприкосновенность жилища⁶. Как мы видим, данное преступление не всегда может совершаться путем нападения.

В теории уголовного права определяются наиболее приемлемые критерии общественно опасного посягательства. Посягательство, создающее по уголовному праву состояние необходимой обороны, с одной стороны, должно быть общественно опасным, а с другой – формально представлять собой деяние, предусмотренное Особенной частью УК РФ, то есть быть своеобразной разновидностью преступления⁷. Данная точка зрения разделяется и судебной практикой, о чем свидетельствует п. 2 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 16 августа 1984 г. №14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств»⁸. В тоже время вполне обосновано возникает вопрос, должно ли посягательство быть всегда преступным, или достаточно того, что бы оно лишь объективно представляло опасность для охраняемых уголовным законом правоотношений? Разрешение данного вопроса имеет как теоретическое, так и практическое значение, но единого мнения в науке уголовного права пока еще не сложилось. Неоднозначное разрешение данного вопроса породило в научной среде ряд других не менее дискуссионных вопросов.

В частности, одни ученые, поддерживая точку зрения, высказанную ранее А.А. Пионтковским⁹, И.С. Тишкевичем¹⁰, считают, что причинение вреда малолетним или невменяемым должно рассматриваться с позиции института крайней необходимости¹¹. И.И. Слуцкий¹², А.В. Наумов¹³ выдвигают обязательное требование о причинении при защите от общественно опасных действий малолетних или невменяемых минимального вреда. Другая точка зрения заключается в том, что авторы рассматривают избежание посягательства при наличии возможности обратиться за помощью к работникам милиции в качестве одного из условий правомерности необходимой обороны от общественно опасных действий малолетних или невменяемых¹⁴. Следует обратить внимание, что невыполнение подобных требований авторами предлагается рассматривать с позиций превышения пределов необходимой обороны¹⁵.

Необходимо сказать, что указанные точки зрения крайне противоречивы. Мы полагаем, что следует согласиться с мнением Е.А. Барановой, которая считает, что, во-первых, ограничение права на оборону возрастом или психическим состоянием посягающе-

¹ Состояние преступности в Российской Федерации за 2010 год // www.mwd.ru.

² См.: Фомин М.А. Разграничение необходимой обороны и убийства из корыстных побуждений // Уголовный процесс. – 2010. – №1. – С. 31.

³ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 августа 1984 года №14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств» // Бюллетень Верховного суда СССР. – 1984. – №5. – С. 10.

⁴ Там же. С. 10.

⁵ См.: Пархоменко С.В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости. – СПб., 2004. – С. 201-202.

⁶ См.: Винокуров В. Нарушение неприкосновенности жилища как основание причинения вреда в состоянии необходимой обороны // Уголовное право. – 2006. – №6. – С. 16.

⁷ См.: Меркурьев В.В. Состав необходимой обороны. СПб., 2004. – С. 92.

⁸ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 августа 1984 года №14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств» // Бюллетень Верховного суда СССР. – 1984. – №5. – С. 10.

⁹ См.: Пионтковский А.А. Учение о преступлении. – М., 1961. – С. 426.

¹⁰ См.: Тишкевич И.С. Условия и пределы необходимой обороны. – М., 1969. – С. 23-24.

¹¹ См.: Антонов В.Ф. Крайняя необходимость в уголовном праве. М., 2005. – С. 85.

¹² См.: Слуцкий И.И. Обстоятельства, исключющие уголовную ответственность. Л., 1956. – С. 49.

¹³ См.: Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. – М., 1999. – С. 346.

¹⁴ См.: Домашняя юридическая энциклопедия. Защити себя сам / под ред. А.И. Гурова. М., 1998. – С. 627.

¹⁵ См.: Баранова Е. А. Необходимая оборона. М., 2007. – С. 33 – 34.

го ведет к практической невозможности реализации гражданами своего естественного права на защиту¹. Лицо, которое подвергается нападению со стороны психически больного, не в состоянии определить его невменяемость и не должно этим заниматься². Во-вторых, нельзя согласиться с тем, что, например, нападение малолетнего заведомо для обороняющегося менее опасно, чем посягательство со стороны взрослого человека. В действительности, как отмечает глубоко изучивший эту проблему С.Ф. Милуков, в настоящее время особенно возросла общественно опасная активность и агрессивность душевнобольных и малолетних³. Информированность обороняющегося относительно малолетнего возраста посягающего не имеет значения, поскольку недостаток физических сил малолетние лица компенсируют применением оружия, иных опасных предметов, действуя цинично, жестоко, вероломно, сбиваясь в устойчивые группы ярко выраженной антиобщественной направленности. Требовать от защищающегося, чтобы он использовал право необходимой обороны только при невозможности избежать посягательства – это значит поставить жизнь или здоровье такого лица в опасность⁴. В-третьих, в самом уголовном законе не установлено каких либо ограничений в реализации права на необходимую оборону, если посягательство совершается малолетним или душевнобольным. Данную точку зрения занимает и практика применения ст. 37 УК РФ⁵.

Интересным и в тоже время крайне дискуссионным является вопрос о допустимости необходимой обороны против административных правонарушений, поскольку административные правонарушения, как и преступления, представляют собой общественную опасность, но отличаются от последних меньшей степенью данного свойства. По решению данной проблемы сложилось две точки зрения. Авторы, разделяющие первую точку зрения отрицают возможность необходимой обороны против административных правонарушений⁶, поскольку они полагают, что в этом случае исчезает грань между необходимой обороной в уголовно-правовом смысле и необходимой обороной в смысле административного законодательства и что такой подход не верен по существу⁷. В таком случае возникает вопрос, как необходимая оборона регламентируется в административном законодательстве? Как известно, Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации⁸ не содержит нормы, которая закрепляла бы институт необходимой обороны в плоскости административного права. Тогда, следовало бы говорить о том, что, в случае, если против лица совершается административное правонарушение, лицо вообще не имеет права на защиту, что само собой противозаконно. На наш взгляд, в подобной ситуации лицо вправе использовать право на необходимую оборону, которое регламентировано ст. 37 УК РФ.

Вряд ли аргументы которые приводят авторы, отрицающие возможность необходимой обороны против административных правонарушений, можно считать состоятельными, ибо, во-первых, грань между уголовным и административным правом весьма ус-

ловна, о чем свидетельствуют постоянные процессы декриминализации и криминализации тех или иных общественно опасных деяний, ранее регулируемых уголовным либо административным законодательством. Во-вторых, нельзя считать право на защиту определяющимся лишь степенью общественной опасности, последняя влияет только на пределы необходимой обороны. Позиция о допустимости необходимой обороны от административных правонарушений верна и по существу, если учесть тот огромный в ряде случаев невосполнимый ущерб, который наносит движение транспорта, браконьерства, уничтожения или повреждения леса, противопожарных правил и т.п. Вероятно, поэтому большинство авторов, исследовавших эту проблему, считают возможной необходимой оборону против административных правонарушений⁹.

По этому пути идет и судебная практика, так, В.И. Ткаченко приводит решение Верховного Суда РФ, усмотревшего необходимую оборону в действиях Д. Суть дела в следующем: на улице к идущим в театр супругам Д. стал приставать пьяный Г. последовал за ними, хватая женщину за руку. Тогда ее муж сильно толкнул Г. в грудь. Последний не удержался на ногах и упал, поломав при этом кисти рук. Верховный Суд РФ признал, что Д. действовал в состоянии правомерной необходимой обороны против лица, совершившего административный проступок (мелкое хулиганство)¹⁰.

Важным является вопрос о допустимости необходимой обороны от общественно опасного бездействия. В данном случае, представляется что необходимая оборона допустима лишь от активных действий посягающего, так как уголовный закон говорит о том, что необходимая оборона возможна тогда, когда имеет место посягательство, сопряженное с насилием опасным или не опасным для жизни, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия. Утверждения, что необходимая оборона возможна против бездействия, находятся в логическом противоречии с самим законом. Как замечает В.В. Орехов, трудно себе представить, чтобы лицо, обязанное и могущее действовать, бездействовало с насилием, опасным для жизни, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия¹¹.

Наиболее часто граждане используют свое право на необходимую оборону, защищаясь от умышленных посягательств. В теории высказываются мнения, что необходимая оборона допустима и при защите от неосторожных преступлений. По данному вопросу сложилось несколько точек зрения. В.И. Ткаченко утверждает, что преступление как основание необходимой обороны может быть только умышленным деянием¹². Другие авторы рассматривают эти случаи как состояние крайней необходимости, что вряд ли можно признать правильным, так как в этом случае обороняющийся защищается от виновно совершаемого преступного нападения. В.В. Меркурьев полагает, что пресечение подобных посягательств путем противоприпадения на преступника должно рассматриваться по правилам о необходимой обороне. Для общества, по большому счету, одинаково полезна деятельность граждан, направленная на отражение как умышленных, так и неосторожных преступных посягательств¹³. На наш взгляд, следует согласиться с последней точкой зрения, так как обороняющийся

¹ Там же. С. 34.

² См.: Ситникова А. И. Необходимая оборона – абсолютное право // Следователь. – 2008. – №11. – С. 9.

³ См.: Милуков С.Ф. Российское уголовное законодательство. Опыт критического анализа. СПб., 2000. – С. 104-105.

⁴ См.: Баранова Е.А. Необходимая оборона. – М., С. 34-35.

⁵ См.: П. 2 Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 августа 1984 года №14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств» // Бюллетень Верховного суда СССР. – 1984. – №5. – С. 10.

⁶ См.: Попов А.Н. Обстоятельства исключают преступность деяния. – СПб., 1998. – С. 20.

⁷ См.: Орехов В.В. Необходимая оборона и иные обстоятельства исключающие преступность деяния. СПб., 2003. – С. 55-56.

⁸ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 №195-ФЗ (с изм. от 29.12.2010 № 442-ФЗ) // Российская газета. – 2010. 31 декабря – № 297.

⁹ См.: Орехов В. В. Необходимая оборона и иные обстоятельства исключающие преступность деяния. – СПб., 2003. – С. 56.

¹⁰ См.: Ткаченко В. И. Обстоятельства, исключающие преступность деяния // Уголовное право РФ. Общая часть. – М., 1996. С. 305.

¹¹ См.: Орехов В. В. Необходимая оборона и иные обстоятельства исключающие преступность деяния. – СПб., 2003. – С. 57.

¹² См.: Ткаченко В. И. Российское уголовное право. Общая часть: учеб. – М., 1997. – С. 234.

¹³ См.: Меркурьев В. В. Состав необходимой обороны. – СПб., 2004. – С. 96.

не всегда может правильно полагать с какой формой вины совершается посягательство.

Заметим, что необходимая оборона – это сдерживающий фактор в отношении насильственной преступности. Поэтому уголовное законодательство должно предоставить обороняющемуся самые широкие возможности для отражения преступного посягательства, сохраняя лишь минимальные ограничения, необходимые для предотвращения злоупотреблений этим правом. Считаем, что гуманизм по отношению к лицу, осуществляющему посягательство, уместен лишь тогда, когда он задержан и не представляет опасности для общества, в момент же преступного посягательства обороняющийся, находясь в заведомо худших условиях, должен иметь право на использование самых эффективных средств защиты¹. Государство всегда должно быть заинтересовано в том, чтобы лицо, осуществляющее защиту правоохраняемых интересов от общественно опасных посягательств, находилось в максимально выгодных условиях по сравнению с преступником. Для этого необходимо дальнейшее законодательное совершенствование данного института.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ТЕРРОРИЗМ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Тишин И.С.

*Шуйский государственный педагогический университет,
Шуя, e-mail: tishin_37@mail.ru*

«В настоящее время практически все угрозы интересам и безопасности России, которые проявляются на ее государственной границе, имеют международный характер и связаны с терроризмом и трансграничной преступностью» [1].

На территории Российской Федерации такое преступление как терроризм стало не редким явлением. Терроризм во всех его формах и проявлениях, по своим масштабам и интенсивности, по своей бесчеловечности и жестокости превратился ныне в одну из самых острых и злободневных проблем глобальной значимости.

Несмотря на столь серьезную угрозу и значительную распространенность данного преступления, принятые не так давно федеральные законы, направленные на противодействие терроризму, законодателям и интензивности, по своей бесчеловечности и жестокости превратился ныне в одну из самых острых и злободневных проблем глобальной значимости.

Международный терроризм – понятие собирательное, несколько абстрактное, которое надо отличать от такой дефиниции как «террористический акт», являющий собой лишь одну разновидность международного терроризма, субъектный состав которого значительно омолаживается. В связи с указанным, следует пересмотреть не только санкцию за совершение террористического акта, расширить его объективную сторону преступления, но и пересмотреть возрастные признаки субъекта данного преступления.

Список литературы

1. Фронин В. Граница. Как охраняются рубежи нашей Родины / Интервью с директором ФСБ России Николаем Патрушевым // Российская газета. – 2007, 28 мая.

¹ См.: Тасаков С. Нравственные начала уголовного закона о необходимой обороне // Уголовное право. – 2006. – №5. – С. 80–81.

СУБЪЕКТ ПРАВОНАРУШЕНИЯ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Труфанов Р.С., Ланцман Е.М.

НФИ КемГУ, Новокузнецк, e-mail: ramzes1189@yandex.ru

Субъектом административного правонарушения в области дорожного движения является физическое или юридическое лицо, но оно может быть привлечено к ответственности лишь в случае совершения виновного противоправного деяния.

При осуществлении административного судопроизводства по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения вопрос о субъекте правонарушения имеет важное практическое значение, особенно в связи с изменениями, внесенными в некоторые статьи КоАП РФ (ст.ст. 12.8 и 12.26), согласно которым в качестве наказания за данные правонарушения предусмотрено только лишение права управления транспортными средствами.

Исследуя составы правонарушений в области дорожного движения, следует отметить, что только в 9 из 37 статей главы имеется конкретное указание на субъекта правонарушения – водителя. В диспозициях остальных статей употребляются формулировки различного содержания, также подразумевающие водителя как субъекта этих правонарушений (управление транспортным средством... превышение установленной скорости движения... нарушение правил движения через железнодорожные переезды... и др.).

Для правильного определения субъекта по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения необходимо обратиться к толкованию понятия «водитель» в различных источниках.

«Словарь русского языка» С.И. Ожегова содержит такое понятие: водитель – это тот, кто управляет самодвижущейся машиной².

В Конвенции о дорожном движении (Вена, 8 ноября 1968 г.) понятие «водитель» раскрывается следующим образом: «Под водителем понимается всякое лицо, управляющее транспортным средством, автомобилем и т.д. (включая велосипеды) или ведущее по дорогам скот, стада, упряжных, вьючных или верховых животных»³.

В п. 1.2 Правил дорожного движения, утвержденных Постановлением Совета Министров – Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090 «О правилах дорожного движения», содержится аналогичное толкование: «водитель – это лицо, управляющее каким-либо транспортным средством, погонщик, ведущий по дороге вьючных, верховых животных или стадо. К водителю приравнивается обучающий вождению»⁴.

В Федеральном законе от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» не содержится отдельного понятия «водитель», однако в ст. 2 употребляется термин «участник дорожного движения», которым является «лицо, принимающее непосредственное участие в процессе дорожного движения в качестве водителя транспортного средства, пешехода, пассажира транспортного средства»⁵.

Анализ приведенных положений позволяет сделать вывод о том, что для установления признаков субъекта по делам об административных правонарушениях, предусмотренных гл. 12 КоАП РФ, а именно «водителя», достаточно признания факта управления транспортным средством вменяемым физическим лицом.

² Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1988. С. 73.

³ Конвенция о дорожном движении (Вена, 8 ноября 1968 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. М., 1979. Вып. XXXIII. С. 385.

⁴ О правилах дорожного движения: [постановление Совета Министров – Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090] // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 47. Ст. 4531.

⁵ О безопасности дорожного движения: [федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ] // Собрание законодательства РФ. 1995. № 50. Ст. 4873.